

ГОРЯЧИЙ ЛЁД

Ахмет ГУНГОР
Автор

Перевод
Тимур АЙТМЕТОВ

ГОРЯЧИЙ ЛЁД

Дядя Хаккы сидел в углу большого стеклянного кафе, что на углу центрального проспекта рядом с городским парком. Он неспешно пил горячий чай из маленького турецкого стаканчика, как вдруг неожиданно резко поставил его на чайное блюдечко, чуть не расплескав содержимое. Крикнул Исмаилу, стоявшему у печи:

- Смотри, смотри! Вон парень, о котором я тебе вчера говорил. Как раз на почту идет.

Исмаил поднял голову и спросил:

- Что за парень? Ты о чем, дядя Хаккы?

- Помнишь Баки, который в муниципалитете работал, сейчас на пенсии? Его негодный сын, заставлявший всю школу плакать.

Исмаил поставил поднос на стол, вытер руки полотенцем, висевшим на плече, придвинул стул и сел рядом с дядей Хаккы.

- Это который в кожаном пиджаке?

- Ага. Это Деврим. И имя то какое – «революция». Скоро школу закончит, но не похоже, что он в университет поступит. У него еще брат есть, Куршад, на два года старше. А самый старший – Айдын.

Вид Исмаила, владельца кафе, выражал жгучий интерес. Он повернулся к помощнику:

- Хасан, сынок, ну-ка сделай нам два кофе. Не забудь – не слишком крепкий. Так кто из них – левый, кто – правый, а кто – сторонник Эрбакана?

Хаккы глубоко вздохнул и, перебирая четки, не спеша ответил:

- Этот вот Деврим – правый, Куршад – левый, ну а Айдын – приверженец Эрбакана.

- Ничего себе! Зовут Деврим, то бишь «революция», а сам – идеалист. Куршад же – левый.

- Да если бы только это. Когда Куршад родился, его дядя с отцовской стороны был отъявленным правым и хотел, чтобы племянник стал идеалистом, вот и дал ему имя Куршад. Когда родился Деврим, имя ему дал дядя с материнской стороны, ты его знаешь – он левый настолько, что когда учился на сельскохозяйственном факультете в Анкаре, принимал участие во всех мероприятиях, а его фотографии не сходили с газетных полос. Куршад ближе к дяди с материнской стороны, а Деврим – к дяде с отцовской. Как ты понял, задумывалось одно – а получилось совсем другое. Их отец, Баки, дал образование своему братишке и братишке жены в Анкаре. Всем обеспечил – пропитанием, проживанием, карманными расходами. Но оба выросли неблагодарными. Один ему родной брат, другой – брат жены. Так они если и приезжают в Анкару, то даже не заходят узнать как дела. Я Баки хорошо знаю, он вышел на пенсию пять лет назад. Очень светлый, добропорядочный человек. Ни о ком дурного слова не скажет.

Трудолюбивый. Его отец и мухи не обидит. Говорят, что когда он проезжал через деревенские поля, то чтобы его быки не зарились на ячмень и пшеницу соседей, он им глаза завязывал. До чего совестливый! А вот внуки... При таких предках – и на тебе!

Он в сердцах стукнул три раза по столу кулаком.

- Дядя Хаккы, да что случилось? Дети же разные бывают.

- Неее, не говори так, Исмаил. Такие дети хуже недруга. Они даже за стол вместе не садятся. Более того, друг с другом не здороваются. И не понятно – родственники они или враги. Бедный Баки и супруга его – Шехрие! Они готовы все отдать, лишь бы эти трое собрались за одним столом вместе на праздник. Скорее увидишь как еврей с палестинцем едят за одним столом, чем этих троих вместе. Вот мои дети: Хасан и Хусейн. Сколько раз я их предупреждал – от политики нет толка, держитесь от нее подальше! Зарабатывайте на хлеб насущный, учитесь, становитесь людьми. Сейчас один на юридическом, другой – на экономическом. Старший уже заканчивает.

Владелец кофейни Исмаил попивая кофе, принесенное помощником, заметил:

- Да, сейчас уже все не то... Не самые лучшие времена переживаем. Посмотришь на новое поколение – у каждого за поясом или оружие, или нож. Шастают по улицам где попало. И даже не знаешь – вернутся ли твои дети вечером домой или нет, все выглядываешь из окна в ожидании. И вместо того, чтобы носить тетради и карандаши, они подходят с пушкой, приставляют к голове и спрашивают: «Ты за кого?». Скажешь, что за левых – смотрят странно, скажешь за правых – опять не то. Сам знаешь – зимой уже в пять вечера закрываемся, а то мало ли что...

- Ты прав, Исмаил! Эта политика словно жернова – всех в муку перемалывает. Пусть будущее наших детей будет счастливым!

- На все воля Всевышнего! Мои еще маленькие. Что они знают? Впереди еще школа, потом - лицей.

***

Мама Шехрие с утра занималась стиркой. И вот когда пришло время развешивать белье на веревке, у нее закололо справа в груди. Она вскрикнула и начала массировать больное место. На ее крик из сада прибежал муж и с укором сказал:

- Дорогая, сколько раз я тебе говорил – делай перерыв. Сердце ведь не железное. Оставь, потом доделаешь! Можно и завтра сделать...

- Отстань, поболит и пройдет, ничего страшного!

Посидела немного, потом с помощью мужа встала и опять принялась стирать. Дядя Баки покачал головой.

- Упрямая, как осел! Ты мне на зло делаешь?

- Ты давай не стой и не ори тут! Если тебе меня жалко – вон, жени Айдына или Куршада! У меня хоть помощницы будут!

- Ха, как будто они так уж жениться хотят! Вот тебе невестку подавай, как будто я не хочу, чтоб они женились. Были бы у нас внуки, мы бы их баловали. И чем больше – тем лучше. Один – пять раз в день намаз читать будет, два других – Родину пойдут защищать, еще один – пойдет на митинги, будет ездить по стране и выступать, как будто не мы их родители, а Эджевит и Тюркеш.

- Не ной! Главное, чтобы были здоровы и счастливы!

- Конечно же пусть будут здоровы и счастливы! Но будет ли от них толк? Не могут ни огород вскопать, ни гвоздь прибить. Избаловали их дяди.

- Опять ты за старое. Бери тятку и давай сажай помидорную рассаду.

Дядя Баки махнул рукой и направился к стене, где лежала рассада. По дороге пробормотал:

- Ну да, конечно, только ее детей не трогай!

Опустился на колени и стал аккуратно втыкать помидорную рассаду в землю. Через два-три месяца ростки превратятся в кусты и дадут красные, мясистые плоды.

Мать земля была щедрой на дары. Но требовала соответствующего внимания и ухода. Закорюзлыми руками старик делал лунки, обильно поливал, потом по одному втыкал ростки и засыпал до половины землей. Работа кипела, чувствовался большой жизненный опыт. Если бы люди были такими же щедрыми и делали добро безвозмездно! Безвозмездно любили, не сорились и научились жить без шума и криков!

***

Я – пес! Да, да, вы не ослышались – обычная уличная дворняга! Но я не должен быть к себе так несправедлив. У меня есть где жить и кормят меня два раза в день. Иногда бывают праздничные дни, когда мне кинут сладкую косточку или остатки мясного супа. С этой точки зрения по сравнению с уличными собаками я все-таки отличаюсь. И это хорошо. Однако у такой жизни есть не только праздники, но и обязанности. Это конечно же охрана жизни и спокойствия хозяев. В противном случае я бы сейчас бегал как неприкаянный по улицам без пищи и крова, ковыряясь в мусоре и ведя борьбу за выживание. Защитит меня бог от такой судьбы! У меня аж шерсть дыбом встала...

Чтобы все были мной довольны, я стараюсь. Младший сын еще не открыл дверь – а я уже чувствую его по запаху. Как только он появляется, я поднимаю хвост, выпрямляю уши и захожу вместе с ним. Хочу быть похожим на волка, шкуру которого два года назад принес и повесил на стену Деврим. Не думаю, что я очень похож. Если бы меня увидели соплеменники – умерли бы со смеха. Но так надо для дела.

Парень идет к крану, умывается, потом ищет меня глазами. Видит меня. Я это понимаю, но сразу к нему не бегу, а стою с важным видом. Это ему очень нравится. Он берет газетный сверток, быстро подходит ко мне и высыпает из него мясные отходы, взятые у мясника Дурмуша. Но я на них не накидываюсь. Пусть не думает, что я ненасытный и жадный. Хотя какая собака при виде такого угощения не завилает хвостом? Но я держусь. За это он гладит меня по голове, после чего, стуча каблуками по лестнице, заходит в дом и исчезает.

В этом же доме живет старший брат Деврима – Куршад. Разница между ними – два года. Но они сильно отличаются. Если я не на цепи, когда он приходит домой, то бегу к нему со всех ног, высунув язык, и машу хвостом. Он подхватывает меня на руки, гладит, что-то говорит и потом отпускает поиграть. Если приносит мне что-нибудь в свертке – я, не дожидаясь, пока он раскроет, набрасываюсь, разрываю бумагу и с жадностью все съедаю, отчего он, удовлетворенно хмыкнув, улыбался.

Когда моет руки, то внимательно следит за тем, чтобы не намочить газету «Республика», торчащую в правом кармане пиджака. После чего, как и Деврим, не спеша заходит домой.

Что же касается самого старшего брата, Айдына, то я его побаиваюсь. Чтобы я ни делал – все ему не по душе. Когда он приходил домой или уходил – я прыгал, бегал рядом, пытался играть. Но он – ноль внимания. Даже садился на задние лапы, лаял, поскуливал и пытался издавать звуки как кошка. Все без толку. Но однажды я все-таки нашел выход. Чтобы не попадаться ему на глаза, когда он выходил во двор, я, почувствовав его запах, сразу же сбегал в свою будку и оттуда наблюдаю, что он делает.

А он с четками в руках и чалмой на голове, читая молитву, выходит из дома и неслышно уходит. Очень часто, когда я под утро, еще до призыва на молитву начинаю вместе со своими соплеменниками выть во мрак, он открывал окно и кричал на меня:

- Да прекрати ты! Дай поспать! Хватит будить народ!

Поэтому, когда я начинал выть, у меня не хватало храбрости выходить из будки. Сейчас он на меня накричит, а потом в ярости вышвырнет меня на улицу... Страх, что такое может случиться заставлял не спать по ночам, отчего по утрам я опять, под действием инстинкта и своих соплеменников, опять начинал выть. Одним словом, в этом доме я боялся только Айдына. С виду всегда спокойный, он практически никогда не показывал своих чувств, и, наверно, никто не видел как он злится. Но... Мягко стелет – да жестко спать.

А время перед утренним азаном – призывом к молитве – самое сладкое для собак, когда они, в стрессе проведя бессонную ночь, начинают его хором снимать, получая от этого незабываемое удовольствие. Бог дал человеку много возможностей, главное из которых – пытливый ум. Однако кроме разума, Всевышним человеку был подарен еще один орган, очень важный и нужный – большой палец руки. Благодаря ему человечество смогло придать материалам форму и шаг за шагом пройти по коридорам цивилизации от пещер до домов, защищающих от жары, холода, дождя, снега и ветра, а потом – до машин и телефонов, скрадывающих расстояние. А мы – четвероногие, крылатые или ползающие – кеммы были тысячу лет назад – тем и остались. И никаких изменений...

Но у нас тоже есть способности, о которых человеку только мечтать – это острое зрение и невероятный нюх. И сколько бы человек не хвастался своими технологиями – эти чувства у них никогда не будут развиты так же хорошо, как у нас. Я за километр чувствую запах приходившего к нам в дом человека среди тысячи людей, окружающих его. А зрение? Люди видят только материальное, но не все остальное. А мы можем видеть то, что не видят они, что не может даже озарить солнечный свет. Даже больше того, что видит человек через свой рентген или как его там...

Помните, я говорил об утреннем призыве к молитве? В это время с неба на землю и наоборот начинается плотное движение, напоминающее движение в густонаселенном городе. Это веселая гулянка нематериальных существ, словно пучки света мерцающих и снующих туда-сюда. Эта гармония света давала нам буйство чувств и красок, когда можно было пережить одновременно радость и боль, счастье и горе. И кто-то из псов начинает выть от счастья, а кто-то – от горя.

Среди рода людского нет никого, кто мог бы наблюдать этот свет, но я знаю одного человека, который сумел увидеть ночных существ. Эта была бабушка Менава, мама господина Баки. Бабушка Менава тоже была когда-то маленькой и однажды, будучи девочкой, она играла с другими детьми возле пруда. Потом сказала:

- Говорят, что по ночам собаки видят каких-то ярких существ и если взять у щенка с глаз немножко выделений и намазать их на глаза, то можно тоже их увидеть. Давайте намажем! Хочется посмотреть, что же они видят ночью.

Но дети не придали особого значения ее словам. Тогда она сама нашла щенка, взяла у него из глаз немного выделений и намазала себе на веки. Бабушка Менава умерла в возрасте восемьдесят два года. Рассказывают, что они последние семьдесят пять лет не могла открыть глаза ночью, потому что видела этих самых существ. Если же ей надо было вечером куда-то выйти, например к соседке, то ее под руку вели два человека. Открывала она глаза только при свете лампы или ночника. А в темных местах ее глаза были обязательно закрыты.

Почему человечество не довольствуется тем, что дано ему свыше? Видели ли вы собаку, которая по своей воле ходила бы на двух ногах и играла бы в мяч? Вот и я удивляюсь – откуда у людей столько алчности и жажды что-то менять?

***

Сидя под старым тутовым деревом, он глубоко затянулся сигаретой, дым которой обжег легкие, из-за чего начался кашель. Бросил сигарету на траву. Со злостью встал, положил руки на плечи девушки и повернул ее лицом к себе:

- Ты убить меня хочешь? Что я только из-за тебя не пережил. Благодаря тебе я курить начал. Если так пойдет и дальше – пить начну скоро!

Девушка откинула волосы и встряхнув плечами, скинула руки парня. С негодованием повернулась к Девриму:

- Надеюсь ты сдохнешь! И я от тебя избавлюсь, и ты – от меня! Я из-за тебя на весь мир опозорилась!

Деврим от такой резкости оторопел. Попытался взять Несрин за тонкую руку. Его голос смягчился:

- Что, что случилось? Что я опять сделал не так?

-Ничего! Уж точно ничего хорошего! Твоя банда напала на моего брата, когда он с учебы выходил. А на прошлой неделе вы забросали камнями районный центр Народно-республиканской партии. Ну ладно, это вы может по глупости, а от отца-то моего что тебе было надо? Он бедный от попадания камня в голову чуть сознание не потерял. С трудом в больницу успели!

Деврим, поглаживая волосы Несрин, нежно и вкрадчиво начал:

- Единственная моя! Твой брат позавчера вместе с товарищами нашего Юсуфа поймал на улице и задал ему взбучку. Портфель порвали, тетради и книги – в клочья! И за что, спрашивается? Он, бедный, ни «правый», ни «левый», да и не в курсе что это такое. Если он с нами только поздоровался и обмолвился парой слов – его сразу бить надо? Пусть вон ко мне, к моим товарищам приходят драться. Ну а что касается моего будущего тестя, то пусть не обижается. Откуда же мы знали, что он в здании центра? Скажи ему, чтобы впредь возле окна не садился.

Несрин не хотела ничего слышать. Губы тряслись от гнева, на глаза навернулись слезы.

- Ты мне скажи, это когда-нибудь кончится? Эти драки, это выяснение отношений? Так и будет стоять между нами? С одной стороны – ты, с другой – мой брат, отец...

Несрин достала из сумки платочек и начала вытирать слезы. Деврим, поглаживая ее тонкие, нежные и белые как снег руки, произнес:

- Ты знаешь, как я люблю тебя и сделаю все, что ты скажешь.

- Смотри, скоро экзамены в университете начинаются. Уроки из-за бойкота итак в пустую проходят. А ты даже книжки не открывал. Как экзамены сдавать будешь?

Деврим еще больше приблизился к Несрин. Взял в руки ее ладони, вдохнул запах и поцеловал.

- Давай сразу отделим мечты от реальности. Ты думаешь там нас ждет рай? В университете преподаватели еще большие активисты, чем студенты. Ты думаешь они мне там жизни дадут? Посмотри хотя бы что с моими дядями случилось!

- Ну, зато мы уедем отсюда. По-твоему этого мало?

Парень зажег вторую сигарету и глубоко вдохнул дым. Потом с расстроенным, апатичным видом произнес:

- Ну, уедем конечно... То, что трудно для тебя, то и для меня нелегко... Могу сказать только одно: даю слово, что буду готовиться к экзаменам. И поступлю только ради тебя. Ради того, чтобы с этого прекрасного лица не сходила улыбка.

На заплаканном лице Несрин появилась улыбка. Она крепко прижалась к Девриму, они, взявшись за руки, вышли из-под тени старого туговника, и не спеша зашагали по дороге на Самсун.

***

- Товарищи! Пришло время действовать. Не сдадим фашистам наши лица, наши улицы! Из Анкары пришло известие: не останется ни одного дома или человека, которому бы мы не рассказали о коммунизме!

Молодые люди слушали эту речь с неподдельным вниманием и интересом. Выступающий волновался не меньше, чем слушатели. Ему было приблизительно лет сорок, но вся его жизнь прошла в маршах протеста, митингах, следственных изоляторах и тюрьмах. Он налил из графина воды в стакан с цветочным узором. Выпил одним глотком и продолжил:

- Все вы знаете – на следующей неделе праздник 1 мая – День трудящихся. Все мероприятия в лицее организует наш молодой товарищ Бюлент. Занятиям будет объявлен бойкот. Джем Караджа на этой неделе дет концерт в кинотеатре «Угур». Согласно наших сведений, фашисты собираются напасть на кинотеатр и забросать бомбами.

Оратор глубоко вздохнул. Сделал паузу и положил руку на плечо сидящего рядом.

- Необходимые меры будет принимать товарищ Куршад. Это будет не просто концерт, это будет самый крупный показ силы «левых» революционеров в районе! Нам хотелось, чтобы это было незабываемое представление!

Один из парней, у которого только-только начали пробиваться усики, встал с заднего ряда и прервал выступающего:

- Товарищ! Мы вас и товарища Куршада хорошо знаем как настоящих лидеров-коммунистов в нашем районе. Однако от всех присутствующих у нас есть просьба к товарищу Куршаду. Товарищ Куршад – это человек, который всем своим телом и духом почувствовал, что такое коммунизм, и принял его. Просьба же заключается в том, чтобы он изменил свое имя, так прозрачно намекающее на фашизм, на какое-либо другое! Мы были бы рады, если бы было придумано имя, соответствующее борцу за коммунизм.

Куршад неспешно встал с места, обвел глазами зал и начал:

- Друзья мои! Вначале хочу поблагодарить за добрые слова обо мне. Рождение, смерть и собственное имя не подчинены человеку. Но задать себе в жизни направление – это ему по силам. От товарищей поступило предложение поменять мне имя. Если те, кто верит в наше дело, будут называть меня Озгур – «свободный», то я буду гордиться этим! Имя Озгур обретет особый смысл, когда рабочий класс в Турции и всего мира в великой борьбе обретет свободу! Спасибо.

Аплодисменты взорвали зал. Следующее слово взял председатель районной молодежной организации Хайдар.

- Итак, друзья, вы все слышали. В этой борьбе Озгур и свобода станут нашими главными символами.

Зал опять зааплодировал. Председатель продолжил.

- Пришло время писать на стенах. До начала следующей недели мы распишем двери домов и стены в районах, где проживают фашисты так, чтобы не осталось свободного места. Те, кто будет заниматься этим делом, пусть останутся здесь, остальные товарищи свободны!

***

Мама Шехрие закончила смиренно читать утренний намаз и перешла к молитве. Молилась она громко и страстно, ее голос был слышен даже в спальне, где лежал приболевший дядя Баки.

- О Всевышний! Молю тебя от всего сердца! Укрепи нашу веру! Пусть беды обойдут стороной нашу страну и народ! Не дай врагам глумиться над нами! Одари

милостью детей наших! Не сталкивай их друг против друга! Наступили трудные дни: провожая детей на учебу утром, мы не знаем, вернутся ли они живыми и здоровыми вечером! Защити всех мусульман и последователей пророка от несчастий! Не заставляй отцов и матерей плакать! О, Всевышний, молю тебя, убереги Куршада, Деврима и Айдына! Амин!

В конце молитвы ее голос и руки начали дрожать. Из-за переживаний ее глаза увлажнились. Она вытерла слезы, сложила коврик для намаза и вошла в спальню. Ее муж мирно спал, уставший от бессонной ночи, в течении которой ему не давали покоя сильные боли. Шехрие приподняла его голову, поправила подушку и аккуратно положила обратно. После свадьбы прошло много лет, но за это время он ни разу не поднял на нее руку, более того, она от него даже слова грубого не слышала.

Но иногда она злилась из-за его мягкого, наивного характера. Нет, если он встречался с несправедливостью по отношению к слабым и сиротам, то набрасывался как лев и был невероятно отважным, она сама была этому свидетелем на рынке или в других общественных местах, однако когда дело касалось своих детей, то ей хотелось бы, чтобы он был с ними пожестче. Тогда бы они друг друга любили и уважали. Но они стали такими, какие есть и в этом была и ее вина. А так же вина дядей. Когда ее дети учились в школе, дяди возили их на каникулах в Анкару. Там к ним и прилепилась эта политика, как паразит. Она не должна была позволять этого. Однако случилось то, что случилось...

Поднялась по лестнице на второй этаж и зашла в комнату Деврима, который находился в глубоком сне. Поцеловала его в лоб и поправила одеяло. После этого направилась в другую комнату – спальню Куршада. Там пахло алкоголем и сигаретами. Погладила по голове храпевшего на кровати сына. Укрыла одеялом, сползшим на пол. Сколько раз отец говорил о том, что в доме пахнет алкоголем, а она всегда набрасывалась на него и отчитывала:

- Как будто бы ты ничего не знаешь, как будто сосед, а не хозяин дома! Хоть раз был день, когда он пришел бы трезвый? Это от него запах идет. Не спрашивай больше!

И извиняясь, что упомянула соседа, добавляла:

- Прости, Аллах!

В конце она заходила в комнату Айдына с маленьким окошком, выходящим на летнюю кухню. Он, как всегда, сделав утренний намаз, сидел возле окошка, перебирая четки. Айдын поглаживал черную бороду, но когда мать входила в комнату, немного подбирался. Она же, присаживаясь на топчан, мягким голосом спрашивала:

- Ты намаз сделал? Пусть Аллах услышит твои молитвы!

Айдын продолжает перебирать четки, кивком приветствует мать. Мама Шехрие встает с кровати и выходит в кухню, где готовит крепкий чай и плотный завтрак.

***

На следующей неделе с прибытием Джема Караджа центр района превратился в поле боя. «Правые» и «левые» группами выходили друг против друга, забрасывали камнями, после чего пускали в ход палки, разрушая все на своем пути. Бились витрины магазинов, поэтому чтобы выжить, многие хозяева закрывали лавочки, другие – со страхом наблюдали из-за пакетов с товарами за ходом сражения, словно за футбольным матчем.

«Левые» собирались группами на дороге, ведущей от центра к району Башпынар и шли, выкрикивая лозунги, по направлению к мечети Чаршибаши. Дорога проходила прямо через центр и упиралась именно в то место, где сходились главные улицы города.

Как только в воздухе появлялись камни и палки, «левые» прятались в переулках. «Правые» занимали оборонительные рубежи на противоположной стороне, засев за тележками мороженщиков, торговцев баллонами с газом и канцелярскими принадлежностями. «Левые» выбегали, бросались всем, что попадет под руку и снова прятались в переулках. «Правым» же некуда было сбежать, поэтому у них не было выхода – и они грудью встречали врага, нацеливаясь выгнать противника на открытую местность.

Бои продолжались в течении всей недели с перерывом на два дня. У полиции и жандармерии опустились руки.

Вечером в девять часов возле кинотеатра «Угур» до начала концерта Джема Караджа произошла небольшая стычка. Однако вмешательство полиции успокоило дерущихся. Подростки-лицеисты провели два часа на концерте, махая руками в такт интернационалу, после чего взволнованные, шли по улицам, выкрикивая лозунги.

Вслед за сражениями и драками лидеры враждующих партий были посажены в следственные изоляторы, проводились допросы. Отпустили их спустя двадцать четыре часа. Однако среди них Деврима и Куршада не было.

Деврим находился среди своих старших товарищей и был в первых рядах. Не обращая внимания на летящие камни, он, крутя цепью, конец которой зацепил на поясе, бросался в гущу «левых», вслед за ним остальные «правые» переходили в наступление. После схватки окровавленные молодые люди разбежались, утаскивая с поля боя раненных, а тех, кто не мог подняться, забирали кареты скорой помощи.

Цепь на поясе Деврима была знаменитой в лицее. После учебы, там, где раздавался свист цепи – там обязательно шла драка.

Обычно он стоял у выхода возле лестницы и в одиночку разгонял «левых» учеников как щенков. Его не останавливали ни ножи, ни палки, ни другие колюще-режущие предметы.

В драках возле лица или на улицах Деврим никогда не сталкивался с братом Куршадом лицом к лицу. Среди учеников, преподавателей, участников обеих противостоящих группировок строились различные предположения. Окружающие были уверены, что узы крови были сильнее политических взглядов, поэтому братья не поднимут руки друг на друга. Другие считали, что между ними есть противостояние, но они его не афишируют, решая без свидетелей. Многие даже спорили по этому поводу. Но судьба действительно не сталкивала их лбами. Да и что они сделали бы, сведи их судьба? Жители города все время ломали над этим голову.

***

Сегодня – день подготовки к празднику. Все рынки в городе заполнились родителями. Жители города, жители окрестных сел – все бегали по магазинам, покупая сыновьям костюмы и ботинки, а дочерям длинные платья, банты и туфли. Продавцы сладостей, пирогов, содержатели кофейных, парикмахеры – все они ходили с улыбающимися лицами, приветствуя солнечный день. Торговля кипела, с прилавков сметались сладости и вкусности. В домах готовили пироги, отчего в воздухе стоял запах пригоревшего масла. Дочери и невестки, готовясь к празднику, подметали полы, выбивали пыль с ковров и дорожек, начищали дом до блеска.

После полуденного намаза молодежь и старики, держа в руках Коран, направились на кладбище, заходя и поздравляя по дороге родственников и знакомых. Айдын с матерью разделив между собой список покупок, тоже бегали по магазинам, покупая муку, стиральный порошок, мясо и так далее. Оба вспотели, сетки в руках становились все тяжелей и они при каждой возможности останавливались, переводя дух и вытирая мокрый лоб.

Пару лет назад покупками в доме занимался самый младший брат Деврим. Однако сам он ненавидел это дело. А до этого покупками занимался отец, который после утреннего намаза выходил на рынок и возвращался к обеду с тележкой, запряженной лошадей и заполненной продуктами, весь измученный и усталый. Пока здоров – не обращаешь ни на что внимания, но как заболеешь – и все из рук валится. Уже два праздника подряд Деврим и Куршад уходили на митинги в ближайшие районы. Как будто вчера это было. Он лупил их по детству. Вначале в мечети они учили наизусть суры из Корана и получали взбучку от учителя, а после возвращения домой получали довесок от него. Из-за страха они вызубрили все малые суры.

Как же прекрасны были те дни. С раннего утра выбегали в сад и делали омовение перед утренним намазом, после чего он за руки вел их в мечеть. Сколько раз Деврим, будучи совсем маленьким, засыпал на намазе. Тогда он брал его на руки, крепко сжимая в объятиях, относил домой и укладывал в постель.

А сейчас что? Куршад вечно грубил:

- Религия – это опиум, отуманивающий разум. Это основа отсталости и неразвитости.

Второй, спасибо Всевышнему, хотя бы пятничный намаз посещает. Как-то попытался отлупить Деврима и Куршада, но они уже выросли, возмужали, сила и энергия была у них через край. Тогда он понял, что лупить и кричать на них совершенно бесполезно.

Так он сидел на бетонном краю небольшого фонтана посреди старого рынка и думал о них. От тяжелых мыслей его отвлек звонкий возглас маленького чистильщика обуви: «Дяденьки, спешите! Почисту вашу обувь, натру миндальным маслом!» Повернулся к журчащей воде, сполоснул лицо под вяло текущим краном и вытерся носовым платком. Посмотрел на кожуру арбузов и дынь, гнилые помидоры, плавающие в фонтане. Да, чистота – это нечто другое... Недостаточно просто быть мусульманином и жить в мусульманском обществе, то есть быть «чистым». А ведь существует множество аятов и хадисов о чистоте. Да, научить чистоте, сделать ее привычкой – очень и очень сложно...

Встал, поднял сетки с продуктами и направился домой. По дороге осталось взять только мясной фарш и все – его муки с покупками закончатся. Тут он вспомнил, как мама готовила суп из лапши в праздничное утро. Там были сладкие косточки с мясом и жиром – такая вкуснятина! Он прибавил шаг. Время подходило к обеду, нельзя было пропустить полуденный намаз.

***

Ночь перед праздником... В доме острый запах лекарств, пропитавший тяжелый, спертый воздух. Матушка Шехрие поправляла матрац в обед и вечером, тщательно укладывая мужа. Ненадолго открыла окно, проветривая комнату. Чувствовалось последнее дыхание уходящей осени. Баки чувствовал сильнейшую усталость и с трудом двигался. Чтобы сходить в туалет, ему приходилось прибегать к помощи супруги. Она подхватывала его под руки, осторожно спускала с лестницы и отводила в туалет в саду. Раньше он не знал усталости, работая без отдыха с утра до вечера, но сейчас его силы как будто иссякли. В эту ночь он попросил жену положить еще одну подушку. Потом, прерывисто дыша, попросил позвать Айдына. Лицо матушки Шехрие выражало глубокую печаль: ее спутник жизни, ее муж, с которым она пережила все радости и страдания, потихоньку затухал, тая как свеча...

Она спустилась по лестнице, прошла через холл и направилась в комнату Айдына. Сказала, что его зовет отец. Отец обычно так просто к себе в комнату никогда не звал, Айдын встревожился. Отложив в сторону четки, он пошел в комнату

родителей. До сих пор отец никогда не вмешивался в решения, принимаемые Айдыном и его братьями. И никогда не поднимал на них руку. Когда кто-либо из братьев совершал не очень хороший поступок или ошибался, мать обращалась к мужу: «Во имя Аллаха! Ну сделай же с ними что-нибудь!», на что он обычно отвечал: «Дорогая! Это же дети. Человек на ошибках учится. Палка же – неподходящий учитель». Иногда отец обижался, но не показывал этого. Когда ему сказали: «Голосуй за Эрбакана!», он ничего не ответил, промолчал. И уж точно не голосовал за «левых». Так что, либо за партию Деврима, либо за Партию справедливости. Никто до сих пор так и не узнал его «цвета».

В таких раздумьях Айдын подошел к двери комнаты отца. Три раза стукнул и вошел. Поздоровался с больным отцом. Тот в ответ кивнул головой и попросил сына чуть приподнять подушку сзади. Айдын приподнял его за плечи и подвинул подушку. Отец почти сидел. Попросил стакан воды, с трудом отпил три глотка. Сын подхватил стакан и поставил на стол.

Айдын в первый раз видел отца таким слабым и немощным. Едва сдерживая волнение, он, не дожидаясь пока отец заговорит, сказал:

- Вы звали меня, отец. Я слушаю.

Баки поднял руку и тыльной стороной ладони вытер пот со лба. Говорил медленно, тяжело:

- Завтра праздник жертвоприношения – Курбан-байрам, не так ли сынок?

- Да отец, по воле Всевышнего...

- Где твои братья? Уже два дня их не видно и не слышно.

Для Айдына это был сейчас пожалуй самый сложный вопрос. Но уклониться от ответа не было никакой возможности. Под укоризненным взглядом отца он растерялся:

- Да это... Отец... Они оба на митинг ушли. Куршад в Амасье, а Деврим – в Самсуне...

- Как по твоему, они до праздника успеют вернуться?

Айдын про себя сказал «Уж лучше бы успели», но сказанное внутри и произнесенное вслух было совершенно разным:

- На все воля Всевышнего, надеюсь завтра они будут здесь.

Отец ненадолго прикрыл глаза. Снова открыл и глубоко вздохнул. Айдын понял, что тот хочет сказать что-то очень важное.

- Сынок, вот скажи мне, где я ошибся?

От этого вопроса Айдын растерялся. Оказывается отец хочет поговорить о своих ошибках, которые он сделал в жизни... Но какое право имел сын говорить о том, что отец сделал не правильно?

- Да простит меня Аллах! О чем ты отец?

- Нет, нет... Иногда мне тоже надо взглянуть правде в глаза. В моей жизни были ошибки, причем серьезные, раз Аллах послал мне такое испытание. Ты – мой старший сын, поэтому я жду, что ты мне скажешь все как есть.

Эти слова придали Айдыну решительности и он попытался высказать в слух свои мысли:

- Отец! Ты кормил нас тем, что честно заработал. Вырастил, дал образование. Всегда хотел, чтобы мы стали людьми. Как отец, ты делал все что мог. Все, что нам было нужно – у нас было...

Айдын замолчал, глядя в глаза отцу и ожидая вопроса.

- Хорошо сынок, так почему твои братья не здесь? Почему не спросят как отец, когда он лежит на смертном одре? Значит я в свое время по отношению к своему отцу что-то сделал не так, раз мои сыновья так со мной... Но... Пусть они будут здоровы и счастливы!

- О чем Вы, отец? Пусть Аллах дарует Вам выздоровление! Вы цельный и верующий человек. Когда кому-либо нужна была Ваша помощь – детям, семье, даже соседям – Вы никогда не упускали случая оказать ее. Только вот Деврим и Куршад...

Тут отец приподнялся, выражая особое внимание.

- Я думаю, здесь Вы были несколько мягким. Несомненно, тут постарались дяди. Они запудрили им мозги. Их влияние вместо ростков добра породило ядовитые растения. Возможно, если бы они не перешагнули за порог этого дома, мои братья не были бы отравлены этим ядом.

- Айдын, сынок, когда в твою дверь стучат, разве можно не быть гостеприимным? Где ты видел, чтобы кто-то не пустил своего брата либо брата жены домой? Разве твой отец мог бы такое допустить?

- Отец, я не хочу Вас обидеть. Вы больны и обессилены. А никто из дядей не появился, не спросил как Вы. Даже соседи более благодарны и отзывчивы. Когда Вы выходили на базар – все к Вам относились с уважением и почетом. Где бы Вы ни были – каждый бежит поскорее угостить Вас чаем или кофе... Но, как ни крути, политика – обоюдоострый меч, и оба острия сейчас смотрят на нас. Не скажу, что в последнее время и я избежал политики. Я тоже много в чем ошибался...

Отец понял. Сын пытался дать понять, что здесь в большей степени вина отца, который был слишком мягок. Чтобы не утомлять отца, он постарался высказать все покороче. Отец откинул голову на подушку, упер глаза в потолок и начал говорить, не глядя на Айдына:

- Наверно ты прав, сынок! Человек иногда учится на ошибках. Но то, что случилось – то случилось. Я только хотел получить прощение от тебя и твоих братьев. Прощенье вашей матери я уже получил. Приглядывай за матерью и братьями. Как бы там ни было – ты старший в этом доме.

Эти слова пронзили сердце Айдына, словно стрела. Он вскочил с места, взял отца за руки и начал их целовать, не в силах сдержать слез, о существовании которых он уже позабыл много лет назад.

- Отец, не говори так! Да какое у нас право есть прощать или не прощать? Будучи Вашими детьми, что мы Вам принесли, кроме забот и страданий?

- Слушай и не перебивай меня, сын мой. Где бы ни были твои братья – найди и приведи их ко мне. Я хочу увидеть вас на последок всех вместе. Это мое самое сокровенное желание.

- Отец! Твои слова ранят меня прямо в сердце! Прошу Вас, не говорите больше, Вы сильно устали.

Старый Баки дрожащими руками сжал ладони Айдына. Нехотя отпустил.

- Хорошо отец, я с утра поеду за ними.

- Нет, сынок, езжай прям сейчас. Не задерживайся – найди их и обратно. Привези ко мне моих детей!

Айдын не устоял перед потухшим, но настойчивым взглядом отца.

- Хорошо, отец, я найду и привезу их. Не переживайте, Вам нужно отдохнуть. А то от разговора Вы совсем обессилили. Пожалуйста, отдохните немного.

Однако отец сжимал его руки, не в силах их отпустить. Айдын осторожно высвободил ладони. Укрыл отца. Несколько раз поцеловал его натруженные руки. Посидел немного у изголовья. Тело старика не выдержало напряжения. Он сильно устал и провалился в глубокий сон.

Айдын открыл дверь, вышел наружу, спустился к себе в комнату. Его одолевали глубокие раздумья. Уже поздний вечер. Куда и как он поедет? В такое время что в Амасью, что в Самсун найти транспорт было невозможно. Автобусы из Анкары в Самсун шли переполненными. Если попробовать сесть на автобус где-нибудь по

дороге, где стояли кемпинги для отдыха пассажиров – водители просто не брали: не протолкнуться. Из-за подготовки к Курбан-байраму и большого скопления народа, пассажиры ехали стоя. Айдын подумал, что будет лучше отправиться спозаранку, после праздничного утреннего намаза. Сначала в Амасью... Вначале найти Деврима, потом вдвоем – в Самсун, за Куршадом. Айдын быстро-быстро начал перебирать четки. До утреннего намаза осталось всего четыре-пять часов. Он принял решение не спать, проводя время за молитвами и чтением Корана.

***

Первый день праздника... Старый Баки покинул этот бренный мир в полдень. Его глаза только что закрылись навсегда... Как только это случилось – соседи, друзья, знакомые – все, кто его знал, бросив ходить по гостям и поздравлять, побежали к ним домой. Мужчины в одной стороне, женщины – в другой. Праздничный дом превратился в дом похорон, где временами раздавались громкие рыдания. Когда пришел имам ближайшей мечети, приняли решение хоронить покойного после полудня, ко времени третьего намаза, однако матушка Шехрие упрямо не соглашалась с этим решением. Она требовала дождаться сыновей: нельзя было допустить, чтобы дети не попрощались с отцом, не проводили его в последний путь. Сыновья были в дороге. Весь день и вся ночь прошли в ожидании. Начался второй день Курбан-байрама – а их все нет. И вестей – никаких.

Потеря родного человека, всю жизнь бывшего рядом и поддерживающего ее, отсутствие сыновей – трех опор ее сердца – все это полыхало горечью в ее груди. Матушка Шехрие все больше и больше волновалась за детей. Спросила у их друзей, спросила у знакомых. Послала соседских мальчишек в районный партийный центр, потом – в полицейский участок. Но сыновей нигде не было. От страха за детей она сходила с ума и только парящие в небе птицы дарили ей надежду на их скорейшее возвращение.

Старики твердили, что нельзя держать покойного три дня, что Аллах будет недоволен такой задержкой похорон. И, хотя матушка Шехрие упиралась как непреодолимая скала, в какой-то момент она сдалась. У нее просто не было выхода. Покойного вывезли из дома в мечеть, помыли, обернули в саван и положили на погребальную плиту. Мечеть не вместила всех пришедших на заупокойную молитву, многие толпились во дворе и в саду мечети, некоторым даже пришлось стоять возле проходящей рядом дороги. Этот район города никогда не видел такого количества людей на похоронах. То, что так много народа провожает в последний путь из этого мира в мир иной одного человека, наверно и есть своего рода счастье, что человек не зря прожил свою жизнь.

Однако следует признать, что у этого счастья была и горькая сторона. На похороны пришли все соседи, все жители окрестных районов, множество знакомых из сел и других городов, но только не было ни сыновей покойного, ни братьев, ни братьев по жене...

Погребенье под негромкий напев молитв состоялось на третий день праздника после полуденного намаза. Часть пришедших пришла на кладбище, другая оставалась возле дома усопшего.

Матушка Шехрие, тихонько плача по ушедшему мужу, сидела в комнате и ждала сыновей...

***

Братья приехали только на пятый день после смерти отца. Они обняли мать и долго плакали, не в силах сдержать эмоции. От окружающих только и было слышно:

«Что за неблагодарные дети, неспособные не то что похоронить, даже горсть земли кинуть на могилу отца! Убереги Всевышний от таких сыновей!»

А за два дня до праздника Деврим попал в полицию из-за митинга, Куршад тоже был арестован за день до Курбан-байрама. Старший брат Айдын находился в Амасье, когда прямо среди митинга началась драка и камень попал ему в голову, отчего тот потерял сознание. Он очнулся в полиции. После того, как рассказал о своей беде, его отпустили. Вышел он на второй день праздника и сразу же позвонил домой. Услышав горькую весть опять потерял сознание. Долгое время не мог прийти в себя. Однако с помощью прохожих и добрых людей собрался с силами. То, что он не смог выполнить последнее желание отца, убивало его, разрывая сердце на части. Хотелось плакать, но он не смог. Ему надо было найти Деврима. Он предположил, что из-за митинга то либо арестован, либо едет в одном из автобусов домой. Значит, вначале следует обратиться в полицию. Что он и сделал. После недолгих поисков, Айдын обнаружил своего брата в центральном полицейском участке. Направившись туда, он рассказал обо всем комиссару и обратился с просьбой выпустить брата, ведь им надо было кровь из носу успеть до похорон. Комиссар посмотрел дело Деврима. Так как серьезных правонарушений не было, составили протокол и его выпустили. Айдын, пытаясь сохранять спокойствие, рассказал брату о смерти отца. Деврим впал в шоковое состояние. Для него это было самой страшной новостью в мире. Он зарыдал и долго не мог успокоиться. Айдын несколько раз встряхнул за плечи:

- Деврим! Приди в себя! Случило то, что случилось. Пусть Аллах простит и примет нашего отца. Давай быстрее в путь, надо успеть хотя бы бросить горсть земли на могилу отца. Следуй на автовокзал, садись на ближайший автобус и пулей домой, тебе надо успеть на похороны. Я же поеду в Самсун за Куршадом.

Видя, что Деврим не реагирует, он отвесил ему две пощечины.

- Ну не стой как истукан, у нас совершенно нет времени.

Айдын пару раз подтолкнул брата. Тот сделал несколько безвольных шагов. Айдын его еще раз подтолкнул и заставил идти быстрее. Деврим в какой-то момент очнулся и как сумасшедший побежал на автовокзал.

Старший брат не стал терять время и сел на автобус до Самсуна. Через три-четыре часа он уже был в городе, где царил полнейшая тишина. Патрули охраняли территорию вокруг автовокзала и центр города. Айдын сходил в здание местного отделения партии, но там было закрыто. Проверил все полицейские участки. Куршад словно сквозь землю провалился.

В тот день он искал брата весь с утра до вечера. Спросил у местных, у продавцов маленьких магазинчиков. Но никто ничего не знал или делал вид, что не знал. Многие по-просту считали его ищейкой или полицейским в штатском и не хотели отвечать. Айдын обошел почти весь город, побывал даже в глухих закоулках, но все было безрезультатно. Он уже не чувствовал ног от ходьбы. Кто-то ему подсказал адрес кафе, где собирались «левые» студенты. Но и в этом случае ему никто не говорил, где оно находится. В конце концов он нашел кафе, больше похожее на халупу, где-то возле стадиона. Там ему помог потрепанный парень с неухоженной гривой волос. Они прятали Куршада в подвале студенческой многоэтажки за городом. Наконец-то Айдын нашел брата. Живого и здорового.

Куршад увидев Айдына очень удивился. Если брат здесь – значит случилось что-то серьезное. В глазах Куршада читался вопрос. В комнате, кроме них, находились еще три человека.

- Я замучился тебя искать. Собирайся, едем домой.

Сколько лет они между собой практически не общались и вот – на тебе. Куршад не в силах перебороть любопытство, спросил:

- Да что случилось? С кем-то из домашних что-то произошло?

Айдын глотнул воздуха и собирался сказать, но слова застряли в горле. Посмотрел на брата, потом на стоявших рядом ребят.

- Не переживай, это мои друзья. У меня нет от них тайн. Не томи людей.

Айдын подошел к младшему брату, обнял его за плечи и, не глядя в глаза, сказал:

- Нашего отца больше нет. Всевышний забрал его к себе...

Куршад не поверил услышанному. Стакан с чаем выпал у него из рук.

- Ты о чем, брат?!

- Он умер в первый день праздника перед полуднем. Я искал вас и как раз в это время был в Амасье. Деврим находился под арестом. Меня тоже взяли под стражу. Пока все объяснил полиции – чуть с ума не сошел. Деврима выпустили и я его домой отправил. Тебя вот только нашел, теперь не знаю – успеем ли мы до похорон. Остается только надеяться...

Куршад подошел к двери и сняв висящую на гвозде куртку, накинул на себя. Высокий парень остановил его:

- Озгур! Ты что делаешь? Совсем с ума сошел? Нас повсюду полиция ищет. Только выйдешь отсюда – тебя схватят. Не ходи!

Куршад схватил товарища за плечи:

- Ты что говоришь такое? У меня отец умер. А я как трусливый заяц здесь буду прятаться?

Второй парень, отличавшийся маленьким ростом заметил:

- погоди-ка, товарищ! Раз уж ты собрался ехать, то у меня есть идея. Из Хала в Чорум постоянно ходят грузовики. А раз в автобусе ехать опасно, можно залезть в один из грузовиков и спрятаться под тентом, никто вас не увидит, да и патрули не поймают. Однако вначале надо как-то добраться до Старого Хала. Как раз вечереет, поэтому давайте чуть переждем, пока не стемнеет.

Айдыну эта мысль показалась здоровой:

- Правильно говорит! Чуть подождем, потом на такси доберемся до Старого Хала.

После этого все сели и стали маленьким глотками пить чай. Только Куршад встал у окна спиной к товарищам и глядя в темноту, старался сдержать и незаметно вытереть наворачивающиеся на глаза слезы.

***

Все уже не было как прежде... На ветви деревьев в саду уже не сидели птицы, оглашая радостным щебетом весь двор. Больше не было того вкуса горячих, красных как гранаты лепешек Хаджи Мусы, которые отец приносил рано утром, выходя за порог, чуть скрипнув дверью.

Двухэтажный дом и сад наполнились тишиной, словно древние, давно покинутые людьми развалины. Что говорить – главы семейства, источника жизни, отбрасывавшего тень на все в этом доме, дарившего уверенность всему, к чему прикасалась его рука, больше не было. Пока он был жив, это было незаметно, но когда его не стало... Страх одиночества и неопределенности поселился в сердцах домочадцев...

Куршад в последние дни только об этом и думал. Только сейчас он начал понимать насколько сильно любил отца. Но чтобы это понять, сколько надо было пережить и преодолеть. Отец потихоньку старел, его плечи опускались от всего пережитого, но продолжал каждое утро возиться в саду и огороде, сажая помидоры, огурцы и сладкий перец. Кто же знал, что в один прекрасный день он сляжет,

сраженный болезнью, и покинет этот бранный мир. И вот он ушел – неслышно, так и не попрощавшись с детьми...

Любил ли его отец? Кого из детей он любил больше всех? Айдына? Деврима? Или все-таки его? Наверно, Айдына... Старший сын не пропускал намазов, молился за них, за всех. Достойный сын своего отца! Но Куршад несколько раз был свидетелем того, как Айдын спорил с отцом и укорял того, за то, что он не голосовал за Эрбакана. А отец отвечал, что ни арабы, ни персы, ни нынешние безбожники не приведут страну к добру и процветанию. Айдын от этих слов распалялся сильнее и даже повышал на отца голос.

А что говорить о себе? Он делал все, что не нравилось отцу. Сколько раз он после споров в кафе и партийном центре приходил в питейную Сары Билаля и напивался вусмерть, после чего еле держась на ногах, шатаясь и падая добирался домой. Бедная мать, услышав среди ночи скрип открывающейся двери, спускалась вниз и с огромным трудом дотаскивала пьяного сына до кровати. Не мог же отец не слышать этого громкого шума, который он производил.

Иногда они с единомышленниками собирались в комнате и строили планы своих партийных мероприятий. Комната наполнялась удушливым дымом сигарет и мерзким запахом пива и водки, распространившимся по всему дому. Он вспомнил день, когда вообще не пришел домой. Тогда отец вышел навстречу, но ни кричал, ни укорял. Все события пронеслись перед глазами Куршада, словно кинолента. Ничего в этом мире не имеет ценности. Что имеем – не храним, потерявши – плачем. И понимаем ценность чего-либо или кого-либо только тогда, когда лишаемся этого. Ценность хлеба, когда голодны, ценность воды, когда нас мучает жажда, ценность друзей, когда кругом – враги. Когда нет любви, то всегда чего-то не будет хватать...

После смерти отца бешенный, сумасбродный, безрассудный и не признающий правил Куршад исчез, его место занял безжизненный, апатичный, потускневший человек. Когда он разговаривал с товарищами в здании партии, кафе, в пути или где-нибудь на выезде, они находили его задумчивым и каким-то слишком спокойным. Как будто дух быстрого, сильного и эмоционального человека взяли и подменили. И это совершенно не вязалось с образом Озгура. Но ведь он не был ни больным, ни влюбленным... Его дело – коммунизм: это его любовь, слава, печаль, болезнь, семья, это его все! Его преданность и любовь коммунизму были настолько фанатичными, что перенеслась на любовь к Москве. В общении с ультралевыми старшими товарищами из Анкары, он часто подстрекал их, говоря о том, что надо поехать в Москву, прямо в сердце коммунизма, и пройти соответствующее обучение, чтобы победить в борьбе за правое дело.

Теперь вялость и апатия Куршада не ускользнули от внимания матери. Он начал приходить домой засветло, вставал очень рано и сразу шел на работу. Пить бросил, даже сигарету, вечно торчавшую у него во рту, как соска, теперь можно было увидеть только изредка.

Деврим тоже сильно изменился. Он перестал разжигать драки, даже начал избегать участия в них.словно кошка, гуляющая сама по себе, незаметно приходил на учебу, внимательно слушал преподавателей, на перемене выходил в школьный сад или двор и слонялся туда-сюда без дела.«Левые» студенты несколько раз пытались его спровоцировать на какое-либо действие, но все было безрезультатно – он просто не обращал внимания. Такое поведение не нравилось и Несрин. Лучше бы он был как раньше – забияка и задира. Его нынешнее поведение совсем ему не шло. К нему приставали, его задевали, а он, как робкая курица, убегал. Новое состояние Деврима насторожило Несрин. Может он влюбился в другую? Нет, нет, невозможно. Она бы сразу об этом узнала. Вести в этих местах разносятся мгновенно. Скорей всего на него

повлияла смерть отца. Она несколько раз подходила к Девриму. Но Деврим как будто не замечал ее.

А когда-то это был непутевый и шальной юноша, вечно ищущий приключений на свою голову. Как она могла влюбиться в него? И взгляды на мир у них совсем разные. Но любовь слепа. Ее нельзя породить насильно и так же насильно выкинуть из головы и сердца. И объяснить ее тоже невозможно, у нее нет рамок и правил...

***

Куршад уже в который раз перечитывал «Капитал» Карла Маркса. Еще немного – и выучил бы наизусть. Каждый вечер он ложился в кровать и с сигаретой в зубах при свете тусклой лампы читал одно и то же. Матрас скрипел под его весом, когда он переваливался с одного бока на другой. Этот звук раздражал Куршада. Сейчас он находился на середине книги, время подходило к полуночи. Ему стало скучно. Встал, открыл окно. Глубоко вздохнул ночной воздух. Стало легче. Опять лег на кровать. В последнее время ему часто снился отец. Укоризненно смотрел ему в глаза...Ничего не говорил, только грустно смотрел...

Куршад вскочил с кровати, взял сигарету и пепельницу. Надо наконец сделать то, что давно откладывал... Бесшумно спустился по лестнице вниз и встал перед дверью Деврима. Поднял руку, чтобы постучать, но услышал за дверью звуки марша османских янычар. Остановился, застыл, развернулся и направился в комнату Айдына. В дверь старшего брата он не стучал, просто открыл и вошел. Не здороваясь, прошел к старому резному дивану и сел. Айдын, перебиравший четки, сидя на кровати, поднял голову и вопросительно посмотрел на брата, продолжая читать молитву. Но тот молчал. Тишину нарушал только стук перебираемых четок. Наконец Айдын закончил с четками, негромко прочел последнюю молитву и укоризненно взглянул на брата:

- Хм, в лесу кто-то сдох?

Куршад пропустил эти слова мимо ушей. Достал из пачки сигарету и закурил. Вдохнул дым и выдохнул через нос. Повернул голову к брату и сказал:

- Много времени прошло, не правда ли?

- Дааа, точно. В последний раз ты заходил ко мне, когда тебе было семнадцать. Была холодная мартовская ночь. Ты не мог решить задачу по математике и прибежал сюда.

- А, вспомнил... такое ощущение, что с того момента сто лет прошло.

Айдын молчал, гадая причину прихода брата. Должно же быть объяснение тому, что через столько лет он соизволил заглянуть к нему в комнату.

Куршад еще раз затянулся наполовину выкуренной сигаретой и потушил ее, раздавив в пепельнице. Опять вскинул голову и спросил брата:

- Он все знал?

- Что именно?

Куршад запнулся и медленно продолжил:

- Ну... Алкоголь, сигареты, ну и так далее...

Айдын посерьезнел, с гневом встал с места. Яростно уставился на брата:

- То, что ты каждую ночь пьяный как скотина валялся и вытирал собой улицы нашего города?

Повысил голос:

- То, что для тебя ничего не существовало, кроме твоей революции? Допустим, отец не слышал об этом. Допустим, что наша бедная мать тщательно скрывала от него все твои похождения. Но как же все эти продавцы и лавочники на улице? Ты думаешь, они ничего отцу не говорили? А ведь народ любит приукрасить...

Голос Айдына сорвался на крик. Он не смог перебороть свой гнев. И в какой-то момент заплакал. Его плач больше напоминал стон. Повернулся спиной к брату, вытер слезы платком. Успокоился, сел на край подоконника.

- И да, кстати, по сравнению с тобой я ему причинил боли гораздо больше...

- Это почему же? Ты же правильный сын. Все время молишься, грехов и плохих вещей избегаешь.

- Ты все еще не понял? Я тебе о чем говорю? Ты, я, да даже Деврим – ни разу с ним с открытым сердцем не общались. Все разговоры только о политике. И у меня тоже... Даже продохнуть не давал человеку. Все время только о Партии Селамет, только об Эрбакане. Как будто у этой партии и Эрбакана – ключи от рая...

Эээх... Отец всегда оберегал нашу семью от недозволенного и никогда не пасовал перед тем, кто обижал слабого и беспомощного, кто творил несправедливость, каким бы сильным он ни был...

Вы все «Коммунизм! Коммунизм!». Вот вам пример настоящего коммуниста. Вот кого надо было рисовать на ваших плакатах, вывешивать на здании вашего комитета. Пусть все коммунисты узнают, что такое настоящий коммунист.

Бурные чувства и эмоции утомили Айдына. Он устал от политических споров с братом. Постоянно повторять одно и то же – кого угодно сведет с ума.

Куршад воспользовался паузой в обличительной речи брата.

- Ты в последние дни все время был рядом с отцом. Каким было его последнее желание?

- Да разве это сейчас имеет какое-либо значение? Я умудрился с ним спорить даже тогда, когда он лежал больной на смертном одре. И какой я после этого, как ты говоришь, «хороший сын»? Будь я проклят!

Не в силах сдержать эмоции, он опять заплакал. Глотнул воздух и сквозь слезы продолжил:

- Знаешь, каким было его последнее желание? Увидеть нас троих рядом, вместе... Как будто знал, что это будет невозможно... И продолжал надеяться... Только мы не смогли это выполнить – такую незначительную просьбу отца. Как оказалось – невыполнимую. Что теперь говорить, если мы даже не смогли проводить его в последний путь, попрощаться, прежде чем он ляжет в могилу, кинуть горсть земли на могильный холмик. Вот какие у него сыновья!

Когда прозвучали последние слова, Куршада захлестнула волна невыразимой горечи и сожаления. Из глаз брызнули слезы, которые он попытался скрыть от брата, отчего порывисто встал и вышел из комнаты.

***

Матушка Шехрие была довольна, причем очень. Сегодня впервые за долгое время два брата сидели вместе на кухне во время завтрака. Вначале пришел Куршад, минут через пятнадцать подошел Деврим. Сидели за одним столом друг против друга. К сожалению, они даже не поздоровались, но для матушки Шехрие даже этого было достаточно. Сколько лет она ждала, что они будут сидеть вместе. Братья смотрели друг на друга со смешанными чувствами и чувствовали себя довольно странно. Им было немного не по себе. Как только вода закипела, Шехрие приготовила чай в заварочном чайнике и подала к столу. Но наливать в стаканы не стала – ждала, кто из них сделает это. Делая вид, что вытирает посуду, она краем глаз наблюдала, как поведут себя в этой ситуации ее дети. Им же сделать первый шаг было с одной стороны просто и легко, но с другой – невероятно трудно. Если бы ее покойный супруг увидел бы их рядом, как бы он обрадовался. Матушка Шехрие повесила тряпку просушиться и вышла из кухни. Пусть ее сыновья побудут с глазу на глаз, пообщаются как братья. Сколько лет они

были на ножах, пусть все останется в прошлом. Ей так не хотелось нарушать это волшебство.

Деврим взял заварочный чайник, наполовину наполнил стакан Куршада, потом свой. Сверху добавил кипятка. Они положили по ложечке сахара каждый в свой стакан и стали мерно размешивать. Поели хлеба с маслом и оливки. Хотелось поговорить, но о чем говорить – никто из них не знал. Поэтому оба предпочли промолчать.

Во время завтрака оба вспомнили свои политические разногласия и стычки. Уже прошло много времени с тех пор, когда они дрались непосредственно друг с другом. Это было тогда, когда отец куда-либо отлучался. Айдын никогда не влезал в их стычки, не пытался разнять, не вставал за ту или другую сторону. Они лупили друг друга от души, пока не уставали до такой степени, что не могли поднять кулаки. Драка заканчивалась сама собой. Бедная мать напрасно пыталась их разнять, но ей не хватало сил, отчего она не знала, что с ними делать. Либо звала соседей, которые насильно их разнимали. После чего она перевязывала их раны, как после настоящего боя.

В тот день они молча встали из-за стола, один из них ушел на учебу, другой направился в здание комитета партии. Так продолжалось три-четыре дня. Время от времени они пересекались за столом во время ужина. Постепенно начали здороваться друг с другом. Обычно говорили: «Салам алейкум!», в ответ звучало: «Алейкум салам!». Однако иногда с утра, когда Деврим здоровался «Салам алейкум!», Куршад отвечал «Доброе утро!». Так что пока они и в приветствии не нашли общего языка. Но для начала и такое положение дел было неплохим. Позже к ним присоединился Айдын. Они стали завтракать, обедать и ужинать в одно время. Ели молча, после чего помогали убирать со стола и мыть посуду. К сожалению, в этой семье девочек не было. После ужина собирались возле телевизора и с удовольствием пили чай или кофе. Во всем этом был только один недостаток – отсутствие разговоров. Ни у кого не хватало смелости начать разговор на какую-либо тему, потому что любая начатая тема привела бы к политике, а там – к спорам, которые закончатся дракой. Только по этой причине они предпочитали молчать, не желая нарушать сложившейся дружеской атмосферы. Уважение, братскую теплоту – как легко они их потеряли и с каким же трудом восстанавливали утерянные некогда отношения! И пусть немного поздно, но им опять захотелось почувствовать ценность родственных уз.

Ледник отношений начал таять. Медленно, но верно... Главное – отношения постепенно налаживались. Не это ли самое важное? Матушка Шехрие никак не могла нарадоваться, с утра до вечера готовя им любимые блюда, манты, пироги и другие вкусности. Лишь бы они собрались вместе и жили дружно. Это была ее заветная мечта.

Братья начали меняться – все больше используют лосьона, рубашки аккуратно выглажены, галстук – обязательно. Сами убирают в своих комнатах, заправляют кровати, поливают сад, ходят на базар за продуктами. Спасибо Всевышнему, все налаживалось. Даже солнце вставало по-другому и лунный свет был не таким как прежде. Соседи и знакомые затаились, не совсем понимая как все это можно было прокомментировать.

***

Была годовщина смерти Махира Чаян. Группы «левых» и коммунистов создавали на улицах города и района напряженную атмосферу. Это отражалось на всех: лицеистах, партийных лидерах, рабочих, торговцах, ремесленниках, владельцах столовых и кафе, даже тех, кто был далек от политики. Махир Чаян погиб недалеко за городом, в горах, где произошла стычка с жандармами. Для коммунистов он стал героем. Для «правых» – еще одним мертвым коммунистом. Человек, который стрелял в солдат страны, в полицейских, защищавших народ, теперь вдруг стал героем. Для

приверженцев партии «Селамет» эта ситуация была сродни поговорке «что белая собака, что черная собака – все равно собака», то есть что «правого» убили, что «левого» - не имело ровно никакой разницы. Идеалисты считались «бесхребетными». «Левые» - атеистами-безбожниками. Все они встали на путь, который ни к чему хорошему не вел. Это было неосторожно и легкомысленно с их стороны. В эпоху, когда лились реки крови и общечеловеческие принципы переворачивались с ног на голову, спасти страну, а то и весь мир, могли лишь молитвы сидящих в мечети по-настоящему верующих людей.

Районный отдел безопасности и жандармерию лихорадило. Обеспокоенные предстоящими событиями, они выставили патрули на улицах города и района.

В сердцах родителей поселился страх за детей. Некоторые из них не пускали отпрысков в школу, а если и пускали – то с нетерпением и беспокойством ждали возле дверей домов. В кафе, где собирались студенты – приверженцы революционного пути, началась активная работа. Девушки и парни, сидя группами вокруг столов, ускоренным темпом готовили красные флаги с серпом и молотом, листовки, афиши и плакаты.

Куршад пришел в кафе под вечер. Когда он вошел, сидящие за столами молодые люди вскинув головы, уставились на него. От одной из групп отделился более взрослый мужчина с грязной бородой. Подошел и чуть насмешливо сказал:

- Оооо, товарищ Озгур пришел! Добро пожаловать, товарищ!

Куршад ничего не ответил, подошел к ближайшему столу и начал прикреплять плакат к деревянной рамке. Человек с грязной бородой не отставал. Громким голосом, так, чтобы все могли слышать, он продолжил:

- Озгур, ты наш боевой товарищ и близкий друг. Ты – символ свободы всех тех, кто проживает в нашем районе. Завтра для нас великий день. Во имя нашего друга, отдавшего жизнь за наши идеалы, мы должны быть более активными и стойкими. У нас и наших погибших товарищей есть право требовать от тебя смелости и инициативы. Не правда ли, друзья?

Кафе огласилось бурными аплодисментами. Грязнобородый протянул Куршаду сигарету и дал прикурить.

- Фашисты не пройдут, товарищи!

Эти слова были встречены еще более бурными аплодисментами.

- Фашисты не пройдут. Да здравствует братство народов!

В ту ночь Куршад пришел домой в двенадцать. Матушка Шехрие заметила, как он входил в комнату. Она спустилась по лестнице к Айдыну и, зайдя к нему в комнату, с испугом в глазах спросила:

- Сынок, Куршад только что пришел. Завтра в центре будет представление. Все обеспокоены – намечается что-то серьезное. Говорят, что из Анкары приедут анархисты или кто там еще. Что там будет, сынок? Уж точно ничего хорошего. Поговори с братом, а? Скажи, чтоб не влезал в драку.

В голосе Айдына звучала безнадега:

- Дорогая матушка, эти безмозглые сыновья родную мать не слушают, думаешь они послушают старшего брата, которого ни во что не ставят? Ты не переживай! Постоят напротив, покричат, как обычно, покидают друг в друга палками и камнями. Полицейские и жандармы их как обычно разгонят. Достанется только магазинчикам вдоль улиц. А ты успокойся, матушка, не думай об этом, ложись спать, скоро утро уже.

Он подошел к матери, взял за руки и поцеловал в обе щеки. Слова сына, пусть на мгновенье, успокоили ее. Она вышла из комнаты и направилась в кухню.

Что поделать – сердце матери! Даже мысли о муже, который был с ней тридцать пять лет и теперь его не стало, куда-то пропали. Сердце стучало, словно птица в клетке. Голова была занята детьми. Если честно, то Айдын слышал о приготовлениях к этому

представлению. Хозяева магазинчиков и кафе решили в этот день не открывать свои заведения. До этого дня какие бы партии не проводили митинги, хозяева заведений до последнего момента не закрывали ставни. Айдын раздумывал над услышанным, не спеша перебирая четки. У каждого своя судьба. И есть только судьба...

***

Холод земли отразился на небесах и все вокруг стало серым и сумрачным. Районный центр до полудня сохранял тишину и спокойствие. Владельцы кафе, магазинчиков, газетных киосков выходили на улицу, с опаской осматривались по сторонам. Клиентов тоже было немного. Похоже, в торговле намечалось затишье. Однако в какой-то момент появилась надежда, что если так будет продолжаться дальше, то к вечеру появится поток клиентов.

Чистильщики обуви, таскающие с собой резные сундучки и обитые бархатом скамейки, тоже исчезли с улиц и площадей.

Затишье перед бурей длилось до обеда. После обеда началось движение. Группы «правых» по три-пять человек начали собираться в переулках возле уличных продавцов и мороженщиков. Группы «левых» стекались на улицу, ведущую от центра к району Башпынар. Обеспокоенные этими передвижениями, продавцы овощей и фруктов, сладостей, сапожники и владельцы кафе лихорадочно начали заносить все внутрь и закрывать ставни своих заведений.

В два часа пополудни со стороны Башпынара к центру стала продвигаться группа «левых», насчитывающая сто пятьдесят – двести человек и выкрикивающая лозунги. Они несли красные знамена с серпом и молотом, плакаты с изображением Махира Чаянлы. На головах у них были банданы с надписями «Революция» и «Революционный путь». Они шли строем по одиннадцать-двенадцать человек, вскинув в верх левую руку.

- Будь проклят, фашизм!

- С Махиром и Улашем победа будет нашей!

Родители с детьми, старики и другие пешеходы, чтобы не попасть под эту волну митингующих, торопливо переходили на другую сторону улицы либо убегали подальше. Владельцы киосков и магазинов продолжали лихорадочно закрывать ставни витрин. Здания Партии националистического движения и Народно-республиканской партии подверглись нападению и разгрому. От камней и палок стеклянные витрины магазинов на первом этаже рассыпались вдребезги.

«Правые» организовали широкие шеренги по четыре-пять человек, которые, сомкнувшись плечом к плечу, упорно шли вперед. Их тоже насчитывалось приблизительно сто пятьдесят человек. С каждой минутой количество участников с той и другой стороны росло. Группа «левых» вплотную приблизилась к центральной площади. Расстояние между противниками уменьшилось до двухсот метров.

Куршад как всегда был в первых рядах «левых». Деврим – «правых»... Он начал готовить цепь на поясе к бою. Распутав ее, он взял за один конец и начал раскручивать, отчего послышался негромкий свист. Он стоял вместе со своими старшими товарищами, которые уже успели побывать в тюрьме и имели множество ранений от уличных стычек, и провоцировал «левых». В глазах читалась решимость и полное отсутствие страха. Парни вытаскивали спрятанные под плащами и куртками длинные палки, собирали камни в небольшие кучи.

«Левые» тоже запасались камнями и палками. Однако среди них появились какие-то странные лица. Куршаду они не были знакомы. Не смотря на то, что он много раз участвовал в различных мероприятиях в Анкаре, Токате, Фатсе, раньше он их не встречал, а ведь у него была отличная память на лица. Эти типы стояли в задних рядах.

Куршад подумал, что не стоит их опасаться. Наверно это товарищи из университетов Анкары. Хотел спросить кто они и откуда у своего грязнобородого соратника. Но передумал. Товарищ – он везде и всегда товарищ.

Итак, столкновение было неизбежным. Одного движения было бы достаточно. Из задних рядов группировки «левых» полетел каменный дождь. С криками и воплями обе группы яростно столкнулись. В воздухе летали палки и камни. Центр города превратился в жестокое побоище. От попаданий камнями и ударов палками некоторые дерущиеся падали, у кого-то шла кровь, кто-то терял сознание. Некоторые, прикрывая голову, продолжали размахивать палками, атакуя и защищаясь. Никто просто так не пытался покинуть поле боя, даже раненные и окровавленные.

«Левые» под натиском правых начали пятиться назад, сдавая позиции. Им оставалось только прятаться в переулках, отходящих от главного проспекта, что они в конце концов и сделали.

Куршад от неожиданного удара схватился за голову и почувствовал, как под пальцами заструилась кровь. Попытался прижать рану ладонью. Между делом, он начал искать глазами Деврима. Может с ним что случилось. Он был бесстрашным парнем, в стычках всегда лез вперед, но до сих пор не получал каких-либо значительных ран или травм, потому что умел защищаться и оберегать себя от опасностей. Соратники его так и прозвали – «заговоренный». Во время стычки Куршад его не видел. Поэтому решил помочь раненым товарищам, лежащим на земле. С друзьями он начал поднимать тех, кто не мог передвигаться самостоятельно. В этот момент раздался выстрел. Куршад резко лег на землю. Шальная пуля могла попасть в кого угодно. Он уже много раз принимал участие в таких потасовках, но огнестрельное оружие применялось впервые. Посмотрел по сторонам, подхватил под руку ближайшего раненого товарища и они хромя побегали назад, вверх по улице. Вдруг из рядов «правых» раздался истошный вопль:

- Убили, убили... Деврима убили!

Куршад бежал, поддерживая раненого товарища, но услышав крик, мгновенно остановился, обернулся и всмотрелся в площадь. Среди нескольких лежащих на земле его внимание привлек один парень высокого роста. Рядом сидел молодой человек, положив голову лежащего парня на колени. Тот не подавал признаков жизни. Куршад, не раздумывая, не оглядываясь и не обращая внимания на летающие вокруг камни и палки, изо всех сил рванул в их сторону. Он узнал младшего брата по красной рубашке, которую подарил ему на прошлой неделе.

В воздухе раздался звук еще одного выстрела. Куршад почувствовал резкую боль в спине, как будто туда воткнули острый нож. Колени подогнулись и он на всей скорости рухнул на землю. Попытался встать, но ноги не слушались. Голова закружилась и все куда-то исчезло...

А на площади продолжали летать камни и палки, раздаваться крики, стоны и ругательства...

***

Матушка Шехрие, желая сделать приятное сыновьям, засучив рукава с полудня готовила обильный ужин. Ее дети обожали манты, поэтому она решила приготовить их побольше. Стоя за столом, она раскатывала тесто. Руки и лицо были запачканы мукой. Ее покойный муж умел и любил готовить и раскатывать тесто. Нарезал его ровными, прямоугольными кусочками и аккуратно заворачивал в них фарш. Так получались маленькие турецкие манты, больше похожие на пельмени. Он никогда не просил посторонней помощи. Потом сам варил и сам кормил сыновей.

Сыновья всегда были для отца маленькими детьми – пухлые, ходящие в развалочку и пахнущие молоком малыши. Он всегда хотел дочку. Но Аллах дал ему только сыновей. Зато в будущем у него могло быть три невестки. И любил бы он их, как своих дочерей. А теперь... Пусть земля ему будет пухом!

Он, погрузившись в свои мысли, продолжала автоматически раскатывать тесто, как вдруг неожиданно ее сердце учащенно забилося. Хоть бы случилось чудо и они пришли бы вечером живые и здоровые! И прошептала про себя: «Всемогущий Аллах, пусть они поскорее вернуться в родное гнездо целые и невредимые. Прости мне мой эгоизм!» Она повторяла эти слова как молитву.

Сколько раз она заходила в комнату Куршада, когда он спал, укрывала его одеялом и поправляла подушку. Не обращая внимания на запах алкоголя и сигарет, целовала в лоб. Она свято верила, что запах их детства навсегда останется с ними. Верила до конца. Даже не чуждалась вытирать пыль с книг и портретов бородатого Карла Маркса и Че Геварры в берете, хотя представления не имела, кто это такие. И с огорчением думала о том, что лучше бы вместо этих безбожников, сын повесил на стену портрет отца или Айдына в военной форме, когда он служил в армии. Что поделаты, такой вот он – сумасшедший, без царя в голове, горячая кровь. И неорганизованный. В этом весь Куршад.

Матушка Шехрие тщательно убирала комнаты сыновей, наводила порядок, стараясь оставить главные вещи на тех местах, где они стояли. Сколько раз он приходил с друзьями, а она приносила им чай, разливала в маленькие стаканчики и поддерживала разговор словами: «Да здравствует братство народов, да здравствует социализм!», хотя плохо понимала, о чем идет речь. И все – ради сына. Что и кого любили ее сыновья – то любила и она. Только одно не нравилось в этой комнате – красный флаг с серпом и молотом. Почему не турецкий флаг – алый, со звездой и полумесяцем? Разве может с ним сравниться любое другое знамя? Это ее очень расстраивало и она никак не могла заставить сына почувствовать его неправоту. Сколько раз хотелось спросить, зачем это флаг здесь? И сколько раз она передумывала.

Что касается Деврима... Самый младшенький, непоседа, взбалмошный драчун, но такой милый. Чтобы он ни делал – мать только умилялась, не в силах противостоять его детскому обаянию. Если ему были нужны деньги – он никогда не просил отца, обращался только к матери, которая, в свою очередь, становилась посредником и выуживала у отца нужную ему сумму. И все равно мать не понимала, зачем сын вешал на стены огромные постеры древних тюркских героев с длинными усами или серых ошетилившихся волков. И все время спрашивала: «Почему ты вместо этих плакатов не повесишь свои фотографии? Или наши с отцом фотографии, пока мы молодые?» А сын, у которого только-только пробился пушок над верхней губой, отшучивался, что они более привлекательны и знамениты.

На все упреки матери он обычно вставал с кровати и, приложив ладони к ее щекам, говорил:

- Матушка, эти герои на постерах – символы нашего духа и силы. Они олицетворяют свободу нашей родины и нации!

- Но ведь Куршад тоже так говорит – свобода, свобода! Что за свобода такая, что не может двух братьев объединить. Эээх... Вам лучше знать.

Деврим отвечал:

- Пустяки, матушка! Ты наша мать. Кто может быть ближе родной матери?!

От этих слов матушка Шехрие таяла, тем более, что говорил их самый младший сын.

Наконец-то она закончила с тестом. Теперь пришло время варить суп с клецками. Время было около двух часов пополудни. Суп был не к спеху. Матушка

Шехриевытирала тряпкой стол на кухне, отгоняя от себя беспокойные мысли. Если думать о хорошем – то все будет хорошо. Так она себе внушала. Но если мысли в голове еще как-то можно было изменить, сердце говорило свое – и его переубедить было невозможно. Оно билось как воробушек, не замолкая ни на секунду.

Вдруг раздался голос младшей дочери Сары Фадиме – Селимы:

- Тетя Шехрие, тетя Шехрие!

Матушка Шехрие замерла. Несколько мгновений она раздумывала над тем выйти ли ей наружу или остаться на кухне. Послушала голоса сердца. Вышла из кухни на улицу.

- Да, доченька, что случилось? К чему такая спешка?

Девочка потухшим голосом произнесла:

- Тетя Шехрие! Там дядя Куршад...

Тетушка Шехрие застыла, не в силах пошевелиться. Непроизвольно вскинув руки вверх, она прижала ладони к лицу. Лицо вначале побелело, потом кровь опять прихлынула к щекам. Она попыталась собраться, но ей не смогло:

- Что случилось с Куршадом? Говори доченька!

Девочка лет двенадцать-тринадцати переведя дыхание и пытаясь сохранить хладнокровие, продолжила:

- Не беспокойся, тетя! Дядя Куршад ранен на площади...

Мама девочки разъяснила все дочери и несколько раз напомнила, чтобы та сказала, что Куршад только ранен. Ее муж был полицейским. Он, услышав о случившемся, сразу же сказал жене, чтобы та рассказала обо всем матушке Шехрие.

Новость стала для бедной женщины словно ушат холодной воды на голову. Она сбежала с лестницы и распахнув двери, бросилась на улицу, повторяя про себя все известные ей молитвы. Направилась к центральной площади города. Соседи, выходя из дверей, говорили ей:

- Соседка! Не переживай, он только ранен, его скорей всего в больницу повезут.

Матушка Шехрие не слышала этих успокоительных слов. Плохая весть быстро распространяется. Она бежала изо всех сил, не замечая, что с ее головы слетел верхний платок. Поседевшие волосы, заплетенные в две косички, немного растрепались по плечам. Со дня свадьбы эти волосы никто, кроме мужа не видел. Даже сыновья...

Когда она выбегала из дома, то с нее слетел тапочек. Через несколько шагов слетел второй. Но она даже не заметила, что продолжает бежать уже босиком. У нее была только одна цель – как можно быстрее добраться до площади. Она не думала больше ни о чем.

Повернула на улицу Хаджи Сыдыка и вышла к центральной улице. До площади осталось пробежать совсем немного. Не обращая внимания на удивленные взгляды окружающих, она сделала последний рывок. Добежала до здания городской администрации, после которой рядом с парком начиналась главная площадь, от которой отходило несколько улиц в разные стороны. Увидела две убежавших группы по пять-шесть человек. Воздух сотрясали сигналы полицейских машин и скорой помощи. Везде валялось разбитое стекло витрин, площадь оцепили жандармы и полицейские.

Матушка Шехрие собрала оставшиеся силы и направилась туда, где собрались жандармы и полицейские.

Они собрались в две большие группы, одна из которых находилась возле мечети перед базаром, а другая – чуть пониже памятника. Матушка Шехрие остановилась и никак не могла решить – к какой группе бежать. Выбрала ближайшую. Вошла в толпу полицейских и медиков. Склонилась над мертвым телом, прикрытым окровавленными газетами. Дрожащими руками приподняла газету над лицом лежащего. И закричала.

- Куршад, сыночек мой!

Она легла прямо на мертвое тело сына, целуя его в щеки. Крик перешел в бурные рыдания.

- Маленький мой, ребеночек!

Она схватила его за плечи, пытаясь поднять, однако не смогла сдвинуть с места. Рыдания и крики не прекращались. Вокруг нее собрались люди. Они начали сдавать назад – такое проявление горя матери вызвало у них слезы. Среди стоящих был ее сосед – полицейский Селахаттин. Он подошел к ней, сел рядом на колени и расстроено произнес:

- Матушка, Деврим...

Рыдающая женщина, услышав имя Деврима, подняла глаза на Селахаттина. Рыдания резко прекратились. Руки, крепко охватившие Куршада, ослабили хватку. Оперевшись руками о колени, она поднялась на ноги. Только бы не это, о Аллах! Только бы не это... Выпрямилась. Руки и губы дрожали. Повернулась назад. Побежала к группе, стоявшей возле повозки уличного торговца. Собравшаяся вокруг толпа раздвинулась. Она попыталась узнать лежащий труп по одежде. Одним рывком она перевернула лежащее вниз лицом тело – и похолодела. Провела ладонью по лицу и опять зарыдала. Такое горе никто бы не смог вынести. Она склонилась над сыном, проливая слезы на потемневшие от времени булыжники площади. Эта картина разрывала сердца жандармов, полицейских и всех тех, кто стоял неподалеку, наблюдая за происходящим.

Возможно, в этом городе до сих пор никто и никогда так горько не рыдал по ушедшим. Много смертей видели жители этого города – по разным причинам, но город никогда не становился свидетелем таких безутешных рыданий, оплакивающих сразу двух погибших сыновей...

***

Ушли... словно птицы, улетели в бесконечность... И больше никогда не вернутся... А все, кто видел или слышал – плакал. Даже самые черствые, даже те, кто уже некогда выплакал все слезы... Ни одно сердце не осталось равнодушным. Даже птицы в небе, муравьи и черепахи в земле.

Сегодня у меня – день траура. Вначале ушел добрый, белобородый глава этого дома. А потом два его сына – гордость этого дома и города. Сколько раз я слышал, как у молодых девушек, проходящих мимо нашего дома, учащалось сердцебиение. Сколько молодых людей смотрели на окна дома с некоторой завистью и удивлением. Я был всему этому свидетелем.

Но теперь два молодых сокола улетели в небо. Оставив меня и матушку Шехрие с разбитым сердцем и подрезанными крыльями. Кто теперь мне будет приносить сладкие косточки? Кто теперь будет со мной играть и гладить по блестящей шерсти? Все окружающие в трауре – и я тоже. Каждая пролитая слеза – и для меня тоже. Ведь передо мной замаячили трудные дни. Я боюсь, очень боюсь. Страх опутывает меня – и растет еще больше. Боюсь одиночества, боюсь побоев, боюсь, что меня прогонят. И чувствовать этот страх, ощущать его всем своим существом – невыносимо.

И не могу понять – тоскую ли я по ним или переживаю за себя? Кто теперь погладит меня? Кто мне даст кусочек хлеба, не ругая, не пиная и не крича на меня? Так не хочется умирать где-то на краю мусорной свалки. Хочу умереть достойно и уверен, что заслужил этого. Ведь уже шестнадцать лет я верой и правдой охраняю их дом. И за это время я ни разу не подпустил вора и беду в этот дом. Каждый час и день в течении всех этих лет, не смотря на холод, дождь и жару, я выполнял свой долг, верно служа своим хозяевам.

Но два тигра, два сокола покинули этот дом. Ушли из мира сего... Уууууу...
Уууууу...

***

Жители района впервые переживали такое, что доселе никогда не переживал весь город. Похоронная молитва по двум братьям одновременно проходила во дворе городской мечети. Провожающие в последний путь родственники, соседи, знакомые и друзья подняли гробы с погибшими и понесли к кладбищу. Друзья Куршада поначалу попытались помешать погребальной молитве, проводимой по мусульманским законам. Однако матушка Шехрие и Айдын жестко стояли на своем и друзья отступили. Дяди, не приехавшие на похороны погибших парней, на этот раз были здесь.

У этих похорон была еще одна особенность – когда гробы понесли на кладбище, идейные враги – «правые» и «левые» - молча шли рядом. Вчера они пытались практически убить друг друга, осыпая камнями и палками, но сейчас они провожали своих товарищей в последний путь. Среди «левых» было несколько человек с надписями на банданах, они даже хотели прокричать лозунги, но были остановлены старшими товарищами. Так процессия продвигалась к месту похорон.

Гробы посменно несли группы парней и девушек. Наконец они добрались до кладбища. Эта была последняя остановка. Для всех смертных. Вся колонна молчала, не произнося ни звука. Тут были живые и мертвые. Третьим, незримым существом этой процессии стала безмолвная тишина.

За день до этого Айдын ходил к копателям могил, показал, что для погибших братьев надо копать могилы с права и слева от того места, где лежит отец. Себе он оставил место у ног отца. Он не смог выполнить последнее пожелание покойного, так сделает его сейчас – лучше поздно, чем никогда. Место же для матери было отведено у изголовья супруга...

Когда процессия прошла ворота кладбища, небо заволочло тучами, и полил мелкий, тоскливый дождь. Кто-то даже воспринял это, как будто даже небеса плачут по усопшим братьям. Процессия прошла между могилами и добралась до места погребения. Отсюда был виден почти весь город и дорога на Анкару. Это был вид с высоты птичьего полета. Носильщики спустили гробы с плеч на землю.

Слева от могилы дядюшки Баки собирались похоронить Куршада, справа – Деврима. Имам грустным голосом прочитал молитву и поднял руки. Группа «правых» тоже подняла руки, в группе «левых» – только несколько человек.

Имам прочитал несколько аятов из Корана о том, что все мы не вечны и рано или поздно покинем этот мир. После этого несколько слов о терпении и прощении сказали родственники усопших.

Подали знак опускать мертвых в могилы. Несколько человек спустились вниз. Гробы открыли и начали доставать завернутые в саван тела. Тут послышался голос матушки Шехрие:

- Стойте!

Имам и все участники похорон замерли. Матушка Шехрие тяжелым шагом прошла между двумя группами и приблизилась к имаму и Айдыну. Она подошла уверено, взгляд был холодным и строгим. В глазах читалась непоколебимая решительность. Показала рукой на яму справа от могилы мужа:

- Похороните обоих моих детей здесь!

Все окружающие во главе с имамом и Айдыном не верили своим ушам. Айдын начал протестовать:

- Мама, ты что говоришь? У тебя с головой все в порядке? Разве так можно?

- Молчи, сынок! Если я сказала похоронить здесь – так и будет! С головой у меня все нормально, спасибо Аллаху!

Оторопевший имам тоже начал возражать:

- Уважаемая, это же против правил нашей веры!

- Дорогой имам! Не возражай! Ты выполняй свой долг. И пусть простит нас Аллах!

- Госпожа, но заупокойная молитва...

- Господин имам! Я сама ее прочту. Мои дети будут похоронены в этой могиле. Оба!

Все пришедшие почтить память усопших удивленно и растерянно переглядывались. Никто никогда не сталкивался с такой ситуацией, да даже никто не слышал о таком. Кто-то даже подумал, что матушка Шехрие сошла с ума. Однако весь ее вид выражал обратное.

Она сделала шаг назад. Встала возле изголовья могилы мужа. Обвела всех суровым взглядом:

- Вам это трудно понять, не правда ли? Трудно принять, что бросая на могилу товарища лопату земли, вы бросаете ее так же на могилу своего кровного врага. Наверно это самое трудное, что от вас сейчас потребуется.

Она сделала паузу. Приблизилась к обеим группам:

- Так слушайте! Это – два моих сына, каждого из которых я вынашивала в себе по девять месяцев, которых растила, не досыпая ночей, лечила от всяких болезней, кормила, поила, одевала, а теперь, словно грешная мать, потеряла сразу обоих! Можете ли вы почувствовать мою боль?! Чья боль глубже и страшнее? Моя или ваша?

Матушка Шехрие развернулась. Опять подошла к изголовью могилы мужа. Наклонилась над могильным камнем и смахнула пыль рукой:

- Мой муж, с которым я прожила тридцать пять лет, умер. Человек, который никогда меня не обижал, никогда не поднимал на меня руку и даже слова обидного мне не говоривший – ушел навсегда. Но я смирилась с этим. Пережила. А теперь – дети... Как я это перенесу – не знаю. Когда я вытирала пыль с портретов каких-то людей, один из которых был с грязной бородой, а другой – в берете, я вдруг поняла, что в доме нет ни одного портрета моего мужа. Но я полюбила их, как полюбил мой сын. Я так же полюбила воющих в горах волков, потому что их любил Деврим. Может быть я невежественный человек, но в любви нет невежества. Даже ненависть лучше невежества. Вот вы говорите, что любите матерей, отцов, своих любимых, но проверяли ли вы свою любовь? Проходили ли через испытания? Нет. А раз не проверяли – для вас все это понять сложно, почти невозможно. Бросая землю на могилу, вы показываете любовь и оказываете уважение товарищу, но боже упаси вас бросить горсть земли на могилу врага – вы бежите от этого, как от черта.

Зрачки матушки Шехрие гневно расширились. С видом, не терпящим возражений, он громко сказала:

- Итак, что стоим?! Выполняйте свой последний долг перед теми, кого вы считали своими друзьями, кого вы по-настоящему любили и уважали. Хочу перед всеми увидеть, есть ли любовь и смелость в ваших сердцах!

По тяжелым взглядом матушки Шехрие несколько человек из группы «правых» открыли крышку гроба, достали завернутое в саван тело Деврима и подали товарищам, спустившимся в могилу. Они уложили тело в глубь, подвинув его как можно ближе к стенке. «Правые» отошли и группа «левых» подала тело Куршада, которое расположили рядом с телом Деврима. Четверо парней с помощью друзей вылезли из могилы.

Айдын, стоявший у края могилы, взял короткую лопату, лежащую на куче влажной земли. Читая вполголоса аяты, он бросил в могилу две лопаты земли. За ним выстроились «правые» и «левые» попеременно, по очереди подходя к лопате и бросая землю в могилу.

Не прошло и часа, как над могилой образовался довольно высокий холмик. Айдын поднял небольшой кувшин и побрызгал на холмик водой. Вытер слезы, наворачившиеся на глаза. Друзья Куршада и Деврима стояли понуро опустив головы, еле сдерживая рыдания, кое-кто тихонько плакал. Они только-только начали осознавать, что их друзья, с которыми они сражались плечом к плечу, погибли. Реальная, настоящая боль только сейчас захлестнула их до самой глубины души.

После завершения погребения, матушка Шехрие вплотную приблизилась к холмику, опустилась на колени между могилами супруга и детей. Провела рукой по свежей земле. Подняла голову и сказала стоявшим напротив группам:

- Теперь можете идти, вы сделали все что требовалось. Я рада, что у вас в сердцах сохранились семена любви и добра, способные победить ненависть, заполонившую ваши души. А теперь уходите!

Потом обратилась к Айдыну и ласково произнесла:

- Ты тоже уходи, сынок! Теперь я должна отдать свой долг. Мне надо излить душу. Оставь меня наедине с детьми.

Группы людей начали покидать кладбище. Уходили с тяжелым сердцем. Сюда они пришли как две отдельные группы. Теперь же смешались и двигались не спеша, опустив головы и задумавшись. «Левые» сняли с головы банданы с надписями. Все происходило в полной тишине, которую нарушали только негромкие, горестные рыдания матушки Шехрие, словно нож вонзавшиеся в сердца уходящих...

*Мои два льва, мои два тигра,
Мои два сыночка
Покинули меня, ой оой!*

*Мои два сокола, мои два орла
Рухнули на землю
И исчезли навсегда, ой оой!*

*Свет моих глаз
Огонь моей души
Погасли во тьме, ой оой!*

*Цветы моей жизни
Не уберегла я вас
И поникли вы, ой оой!*

***

Дядюшка Хаккы, с удовольствием попивая кофе, погладил живот:

- Вот Исмаил, видишь как все бывает. Разве я тебе не говорил! Даже металлический поднос трескается там, где чаще всего с ним соприкасается вода. И конец их был очевиден. Вот тебе и политика! Прямо наказание какое-то – и для души, и для кошелька. Так что не стоит в нее лезть и пачкаться. Я несколько раз предупреждал покойного дядю Баки, но он и слушать ничего не хотел.

Владелец кафешки Исмаил, разливая свежесваренный чай, поддакивал собеседнику:

- Правильно говоришь, дядюшка! Гиблое это дело, ничего и никого не жалеет. Все превращает в прах.

- Вот и пусть не будет так впредь. Если, конечно, будешь держаться подальше от всего этого. На бога надейся, но сам – не плошай. Вот мой Хасан, например, через пару месяцев закончит университет и станет работать в администрации, а там глядишь – и ее главой.

- На все воля Всевышнего, дядюшка Хаккы! Наши дети для того и учатся, чтобы стать большими людьми.

- Амин, Исмаил, амин! Ну-ка, подай-ка мне воон ту газету, посмотрю, что там пишут.

- Сынок, ну-ка принеси газету для дядюшки Хаккы. Да и я посмотрю, какие новости.

Мальчик принес газеты, стоявшие у кассы, и положил на стол дядюшки Хаккы. Тот с удовольствием развернул одну из них. По привычке начал читать с самой интересной для него, последней страницы, где обычно печатались новости спорта. Попросил еще чашку кофе. Через некоторое время дошел до первой страницы. Его внимание привлекло небольшое сообщение в самом низу передовицы. Руки Хаккы задрожали, горло пересохло. Он не верил своим глазам. Он не верил тому, что читал. Не хватало воздуха. Он застыл, не в силах двинуться с места. И, потеряв сознание, опустил голову на стол.

В сообщении писали, что студент выпускного курса юридического факультета Хасан В. ожидал автобус на остановке в районе Абидинпаша, когда несколько неизвестных подошли к нему и застрелили на месте. Рядом с сообщением была отпечатана фотография с окровавленным трупом его сына...

Исмаил, бросив все, растирал дядюшке Хаккы виски, а его помощник побежал за скорой.

Впервые в городе пролилась кровь родных братьев. Над улицами висел кровавый туман. И было непохоже, что этот туман собирался рассеиваться...

05.11.2008

Бишкек